

На текущія темы.

О свѣтѣ и гасителяхъ.—Трезвые практики и крѣпкіе лбы.—Новые опыты на старыхъ основаніяхъ.—Изъ одной анкеты, или о неожиданныхъ путяхъ.—Чужая литература, чужбина и преслѣдованія какъ источники самосознанія.

„Да будетъ свѣтъ!“—этимъ библейскимъ восклицаніемъ закончилъ свое „изслѣдованіе“ не кто иной, какъ г. Щеголевъ, тотъ самый г. Щеголевъ, о доносительно-фальсификаторскихъ подвигахъ котораго шла рѣчь у насъ прошлый разъ. Точно такъ же заканчивали,—если не буквально, то по смыслу,—и правые ораторы въ Государственной Думѣ, отрицая за украинскимъ населеніемъ право учиться на родномъ языкѣ. То же восклицаніе неоднократно раздавалось и подъ сводами Маріинскаго дворца на засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, когда почтенные совѣтскіе старцы окончательно, по ихъ мнѣнію, хоронили украинскую (а за компанію и бѣлорусскую) школу. „Да будетъ свѣтъ“, „Да здравствуетъ свѣтъ, да скроется тьма“, „Свѣта больше“,—однимъ словомъ, просвѣтительныя пожеланія раздаются со всѣхъ сторонъ, перекрещиваясь въ воздухѣ болѣе или менѣе эффектными восклицаніями. Такъ и хочется сказать, пародируя извѣстное изреченіе: слишкомъ много свѣта...

Собственно говоря, много лишь разговоровъ о свѣтѣ, и вовсе нѣтъ основаній опасаться, что свѣтъ, на примѣръ, г. Щеголева или думскихъ и совѣтскихъ законодателей въ состояніи ослѣпить кого-нибудь своимъ чрезмѣрнымъ сіяніемъ. Дѣло въ томъ, что непосредственно послѣ болѣе или менѣе эффектныхъ возгласовъ господа, такъ неусыпно заботящіеся о свѣтѣ, изо всѣхъ силъ стараются привернуть и ту копилку, которая еле-еле освѣщаетъ нашу жизнь. Говоря о свѣтѣ, они тоже находятъ, что въ сущности его слишкомъ много и что не мѣшаетъ поэтому прикрыть даже тѣ источники слабого мерцанія, тѣ небольшіе огоньки, благодаря которымъ мы не погрузились еще окончательно въ полосу безпросвѣтной тьмы. Эту послѣднюю они собственно и разумѣютъ, провозглашая непрерывно о своей любви къ свѣту и обосновывая ее всѣми

поучительными изреченіями, заимствованными изъ такого почтеннаго и сверхъ-благонадежнаго источника, какъ прописи. Къ тѣмъ устремлены всѣ ихъ тайные помыслы и пылкія мечтанія, къ ней же направленъ весь жаръ сердца и пылъ патріотической души.

Возьмемъ, на примѣръ, г. Щеголева, который съ такой дрожью въ голосъ „о честности высокой говорить“,—увы!—совершая при этомъ подлоги и прочія даже съ точки зрѣнія прописей предосудительныя дѣянія. Вотъ онъ эффектно возглашаетъ: „Да будетъ свѣтъ!“—и одновременно предлагаетъ законодательнымъ учрежденіямъ заняться вопросомъ о „признаніи украинскаго искусственнаго (!) языка и партикулярнаго правописанія за факторы, угрожающіе государственнымъ и народнымъ интересамъ“¹⁾. т.-е., попросту говоря, законодательнымъ путемъ прекратить тотъ дѣйствительный источникъ свѣта, какимъ для украинскаго населенія является украинская книга. Какое, собственно говоря, дѣло г. Щеголеву до свѣта и просвѣщенія и что за странная блажь пришла ему въ голову говорить о нихъ? Возьмемъ еще такого тоже весьма почтеннаго гасителя, какъ г. Пихно. Тоже вѣдь распинается челоуѣкъ за свѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ Государственный Совѣтъ предложеніе „о признаніи государственнымъ порядкомъ, что языки малорусскій и бѣлорусскій не существуютъ“²⁾. Возьмемъ не менѣе почтенное собраніе гасителей изъ „Новаго Времени“: по части просвѣтительныхъ возгласовъ едва ли кому уступить эта юркая газета, но вдругъ начинаетъ отчитывать своихъ друзей-чеховъ, которые въ недавно изданномъ сборникѣ „Славянство“ отвели извѣстное мѣсто и украинцамъ, „хотя, какъ это было условлено на пражскомъ съѣздѣ, никакого украинскаго народа, какъ отдѣльной славянской націи, не существуетъ“³⁾. Болѣе или менѣе пышные возгласы о свѣтѣ и совершенно откровенныя дѣянія гасительнаго характера прекрасно уживаются рядомъ, не возбуждая среди этихъ господъ даже капли сомнѣнія насчетъ такого противоестественнаго сожительства, не вызывая въполнѣ, казалось бы, естественнаго вопроса: „кое общеніе свѣту ко тѣмъ?“. Прежніе гасители были въ этомъ отно-

1) „Кіевлянинъ“, № 79.

2) „Биржевыя Вѣдомости“ отъ 5-го апр.

3) „Новое Время“, № 12978.

шеніи много цѣльнѣе и непосредственнѣе. Какой-нибудь Магницкій дѣйствовалъ открыто и не стѣсняясь, не обремениая своей темной совѣсти ненужными и въ смыслѣ цѣльности даже вредными придатками. Нынѣшніе Магницкіе, не уступая своему первообразу во враждѣ и ненависти къ просвѣщенію, стремятся тѣмъ не менѣе напаялить на себя личину нѣкотораго благородства,—правда, носящаго очевидный ноздревскій оттѣнокъ. Тотъ же, напримѣръ, г. Щеголевъ въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи додумался до весьма любопытнаго положенія о реакціонности украинскихъ стремленій въ дѣлѣ націонализаціи школы. „Проникновеніе въ села продуктивной, житейской (?) русской грамотности и конкурирующей съ ней маргариновой грамотности украинской даетъ въ итогѣ замедленіе роста обѣихъ, вялый ходъ культуры, отсталость экономическую“¹⁾,—вотъ какъ сокрушается этотъ гаситель по поводу „замедленія „роста обѣихъ“ (!!) грамотностей. Зачѣмъ же, когда для цѣлей почтеннаго чиновника цензурнаго вѣдомства достаточно было бы просто направить указующій перстъ съ присовокупленіемъ болѣе или менѣе выразительнаго междоуметія? Не возбуждающій сомнѣній реакціонеръ и гаситель, онъ какъ бы собственной фізіономіи стыдится и пытается подъ шумокъ просвѣтительныхъ возгласовъ снабдить ею своихъ антагонистовъ: авось, недогадливый читатель не разберетъ, „правая, лѣвая гдѣ сторона“. Плохи, видно, дѣла реакціонеровъ, если они могутъ возлагать какія-либо надежды на этотъ наивный маневръ...

Впрочемъ, Богъ съ ними, съ теоретическими приѣмами этихъ рыцарей мрачнаго образа: теорія всегда была ихъ Ахилъ лѣсовой пятой. Но удивительнѣе всего, что эти трезвые практики, эти настоящіе „реалисты“, прекрасно учитывающіе карьерныя возможности, еще слабѣе оказываются въ своихъ практическихъ дѣйствіяхъ и пожеланіяхъ. Практическія ихъ мѣропріятія, вся программа ихъ дѣйствій исчерпывается, какъ извѣстно, краткой, но внушительной формулой „тащить и не пущать“. Казалось бы, формула настолько несложная, что даже самый несообразительный человѣкъ легко можетъ предвидѣть, какіе результаты въ томъ или иномъ случаѣ получатся отъ ея примѣненія. Кромѣ того, она такъ часто и съ такой настойчивостью

¹⁾ „Кіевлянинъ“, № 79.

примѣнялась, что результаты эти у всѣхъ предъ глазами, не требуя, такимъ образомъ, даже минимальной дозы для ихъ угадыванія. И тѣмъ не менѣе, наши трезвые практики упорно продолжаютъ стучать лбомъ объ стѣну, не замѣчая, что на этомъ мѣстѣ уже болѣе крѣпкіе лбы потерпѣли постыдное крушеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, г. Щеголевъ, въ качествѣ партикулярнаго человѣка, предлагаетъ законодательнымъ путемъ объявить украинскую литературу виѣ закона, а г. Пихно, въ качествѣ законодателя, пытаюсь воспользоваться этимъ благимъ совѣтомъ, идетъ еще далѣе и вноситъ поправку „о признаніи законодательнымъ порядкомъ, что языки малорусскій и бѣлорусскій не существуютъ“. Предположимъ, что эти вздорныя положенія удалось воплотить въ соотвѣтственномъ законопроектѣ и министропослушныя палаты поспѣшили этотъ законопроектъ принять. Ну, а дальше-то что? Вѣдь совершенно ясно, что подобный законъ останется пустымъ звукомъ и рѣшительно ничего не въ состояніи будетъ измѣнить въ дѣйствительности: опальные языки, конфискованные хотя бы и въ законодательномъ порядкѣ, отъ этого вѣдь существовать не перестанутъ. Остается, слѣдовательно, совершенно бессмысленное покушеніе, которое не мѣняетъ своей сущности отъ той или иной формы. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ почти въ законодательномъ порядкѣ это и было уже испробовано. Министръ Валуевъ, какъ извѣстно, въ 1863 г. специальнымъ циркуляромъ весьма категорически объявилъ, что украинскаго языка „не было, нѣтъ и быть не можетъ“, а между тѣмъ нынѣ о томъ же приходится хлопотать гг. Щеголеву съ Пихной, а „Новому Времени“ горько жаловаться на коварныхъ чеховъ: „условлено“, дескать, считать украинцевъ какъ бы несуществующими, и вдругъ они все-таки существуютъ... Какъ хотите, а это болѣе чѣмъ наивность, не въ особенно выгодномъ свѣтѣ представляющая мыслительный аппаратъ нашихъ трезвыхъ практиковъ. Почему они увѣрены, что у нихъ лбы окажутся покрѣпче, чѣмъ у Валуева, и пробьютъ, наконецъ, явно несокрушимую стѣну жизненныхъ условій,— я рѣшительно не понимаю. Вижу только, какъ усердно работаютъ люди лбами и готовъ даже пожелать имъ всяческаго успѣха въ полной увѣренности, что въ концѣ-концовъ, кромѣ еще нѣсколькихъ разбитыхъ лбовъ, ничего не получится...

Правда, г. Щеголевъ, повидимому, склоненъ поми-

риться на меньшемъ, чѣмъ его старшій товарищъ, облеченный частичкой законодательной власти. Г. Щеголевъ предлагаетъ не языки упразднить въ законодательномъ порядкѣ, а всего лишь литературу и правописаніе. Предложеніе на первый взглядъ болѣе практическое, ибо здѣсь приходится имѣть дѣло уже не съ жизненной, и потому непреодолимой, стихіей, а съ нѣкоторой сознательной дѣятельностью сравнительно небольшого числа людей, воздѣйствовать на которое какъ-будто несравненно легче. Что же,—можно попробовать и законодательнымъ путемъ создать тѣ или иныя ограниченія для украинской литературы. Впрочемъ, и это было уже испробовано, и притомъ въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, съ такимъ истинно-русскимъ размахомъ, что и г. Щеголевъ остался бы вполне доволенъ. Извѣстный майскій указъ 1876 года воспретилъ въ Россіи всю украинскую литературу, за исключеніемъ беллетристики (на практикѣ и она оказалась въ послѣдствіи въ значительной степени запрещенной), воспретилъ театръ, воспретилъ даже тексты подъ нотами. Дальше, кажется, некуда было идти. И вотъ г. Щеголеву опять приходится мечтать о томъ, какъ бы вновь продѣлать тотъ же сокрушительный опытъ, можетъ быть, даже въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ это удалось въ 1876 г. Юзефовичу. И опять непонятно, почему г. Щеголевъ надѣется достигнуть того, что оказалось не подъ силу его предшественнику, и почему онъ имѣетъ репутацію трезваго практика?

Не трудитесь продѣлывать свой опытъ, г. Щеголевъ,—лучше ограничьтесь наблюденіями на своемъ служебномъ посту. Ибо окончательное развитіе украинской литературы и ея неотъемлемыя завоеванія, упроченіе ея положенія и вліянія произошли именно въ то время, когда дѣйствовалъ столь любезный сердцу г. Щеголева „законъ“ 1876 года. Украинская литература въ 1876 г. и она же въ 1906 г., когда пало позорное созданіе Юзефовича, представляетъ такую огромную разницу въ сторону развитія и прогресса, которсй совершенно невозможно не замѣтить. При появленіи акта 1876 г. это былъ едва замѣтный ручеекъ, робко пролагавшій дорогу среди препятствій; въ концѣ его дѣйствія украинская литература превратилась уже въ сильный потокъ, который самъ справляется съ камнями, набросанными вражескими руками на его пути. Цѣлый

рядъ талантливыхъ писателей окончательно развернулъ свои силы именно въ этотъ періодъ 30-лѣтняго плѣненія украинской литературы; поколѣніе за поколѣніемъ выставляло новыхъ дѣятелей, и ихъ неустанной работой запретительный актъ былъ аннулированъ задолго до его издыханія, такъ что являлся въ сущности разложившимся трупомъ. Г. Щеголеву угодно повторить опытъ, гальванизировавъ похороненный трупъ?—Пожалуйста! Опять съ легкимъ сердцемъ могу пожелать ему со товарищи успѣха въ этихъ трупныхъ операціяхъ, съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ полной его невозможности, не говоря уже о томъ, что теперь даже повторить бессмысленную затѣю Юзефовича много и много труднѣе стало, а шансы на успѣхъ еще меньше. А извѣстно ли, господамъ гонителямъ, почему это? Да потому, что литература, какъ вдохновенно говорилъ великій сатирикъ, никогда не умираетъ... „Все, что мы видимъ вокругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ,—одна литература вѣчно останется цѣлою и непоколебимою. Одна литература изъята отъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Несмотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человѣчества, про который можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ“ (Щедринъ, „Круглый годъ“). Что осталось теперь отъ Юзефовича, кромѣ позорной памяти, какъ о сикофантѣ и предателѣ, и что стало съ той литературой, которую онъ собирался забодать? Не наследникамъ Юзефовича, а современнымъ сикофантамъ, я предлагаю этотъ вопросъ, такъ какъ убѣжденъ въ ихъ полной безнадежности и невосприимчивости къ какимъ бы то ни было вопросамъ. Пусть поэтому дѣлаютъ они свое дѣло, сохраняя иллюзіи насчетъ твердокаменной крѣпости своихъ лбовъ, пусть повторяютъ свои опыты. При всей болѣзненности этихъ опытовъ для живого организма литературы они лишены средствъ убить ее, ибо нѣтъ такихъ средствъ и не можетъ быть въ распоряженіи чловека. Здѣсь также дѣйствуетъ стихійная непреоборимая сила съ ея желѣзнымъ закономъ развитія, о который разбиваютъ свои лбы всѣ эти законодательствующие пиг-

меи, воображающие, что они являются дѣйствительными законодателями. Ну, и пусть ихъ разбиваютъ, если существуетъ такое дикое желаніе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ успѣхъ имъ вполне обеспеченъ, и позорныхъ столбовъ для нихъ съ избыткомъ хватитъ и послѣ Юзефовича...

Какъ видимъ, трезвые практики оказываются въ сущности чистѣйшей воды мечтателями, вопреки дѣйствительности хватающимися за завѣдомо негодныя средства, рѣшающимися на бессмысленные поступки, заранее обреченныя на неуспѣхъ. Мало того,—своими собственными неудачами, даже своими откровенными дѣйствіями, своей ненавистью они лишь способствуютъ торжеству того дѣла, которое такъ ненавидятъ и такъ усиливаются погубить. Дѣло, имѣющее корни въ самой жизни, для своего укрѣпленія пользуется даже такими средствами, которыя направлены во вредъ ему, и невозможно и представить себѣ всѣ тѣ пути, которыми проходитъ къ украинскому народу національное самосознаніе.

Недавно была произведена небольшая анкета среди политическихъ ссыльныхъ - украинцевъ, данныя которой затѣмъ опубликованы въ „Радѣ“. Между прочимъ анкета предлагала вопросъ объ обстоятельствахъ, зародившихъ національное самосознаніе среди опрашиваемыхъ лицъ. Отвѣты на этотъ вопросъ получились во многихъ случаяхъ вполне неожиданные для лицъ, возлагающихъ надежды на ассимилированіе украинцевъ, въ особенности путемъ нападокъ на украинское движеніе и репрессивныхъ мѣропріятій. Нѣсколько лицъ, напримѣръ, пришли къ національному самосознанію подъ вліяніемъ великорусской литературы; другимъ на ихъ національное положеніе открылъ глаза переѣздъ изъ деревни въ городъ; наконецъ, одинъ крестьянинъ прямо заявляетъ, что первое зерно національнаго самосознанія было заложено въ его душу въ начальной школѣ учителемъ, „который издѣвался надъ мужичьимъ языкомъ“ ¹⁾. И несомнѣнно, что такіе результаты издѣвательствъ и преслѣдованій не ограничиваются единичными случаями, и упомянутый крестьянинъ не представляетъ собой исключительнаго явленія.

И это вполне естественно, какъ естественны и случаи, когда національное самосознаніе возбуждается чужой ли-

¹⁾ П. Чижевскій, Засланці-українці. „Рада“, 1911, № 289.

тературой или переѣздомъ даннаго лица въ совершенно чужую среду. Обрусители всевозможныхъ оттѣнковъ большія надежды въ смыслѣ ассимиляціи украинскаго населенія возлагаютъ на распространеніе русской грамотности, русской школы, даже на вліяніе солдатчины, отхожихъ за работковъ и т. п. Несомнѣнно, что все это дѣйствуетъ денационализирующимъ образомъ, но далеко не всегда. Всѣ сознательные украинцы по необходимости воспитывались въ русской школѣ, ибо иной у насъ нѣтъ; всѣ въ значительной степени обязаны своимъ развитіемъ русской литературѣ,—однако и въ ней находили они то, что заставляло ихъ задумываться надъ тѣмъ же вопросомъ, который такъ рѣзко поставилъ когда-то Шевченко: „хто ми, чіі сини, якихъ батьків, ким, за що закуті?“ Извѣстенъ, напр., тотъ опытъ, который съ такимъ успѣхомъ произведенъ былъ Драгомановымъ въ Галичинѣ для пробужденія украинскаго національнаго самосознанія среди украинскаго, но москвофильски настроеннаго студенчества 70-хъ годовъ. Драгомановъ усердно снабжалъ закордонныя бібліотеки произведеніями лучшихъ русскихъ писателей, убѣждалъ своихъ читателей и слушателей знакомиться съ подлинной Россіей,—въ томъ совершенно правильномъ разсчетѣ, что ничто такъ не открываетъ глаза, какъ освѣдомленность объ истинномъ положеніи дѣлъ, что великорусская литература, своимъ гуманизмомъ и демократизмомъ, пробуждая лучшія стороны человѣческаго сознанія, прикрѣпить его къ мѣстной почвѣ, къ мѣстнымъ нуждамъ, т.-е. въ конечномъ счетѣ послужить на пользу все того же украинскаго національнаго самосознанія. Дѣйствительность блестящимъ образомъ оправдала эти разсчеты. Достаточно отмѣтить, что среди учениковъ Драгоманова, своимъ украинствомъ обязанныхъ между прочимъ отчасти и великорусской литературѣ, стоитъ такая крупная во всѣхъ отношеніяхъ величина, какъ Иванъ Франко, не говоря уже о другихъ дѣятеляхъ украинскаго возрожденія въ Галичинѣ. То же, конечно, повторяется и у насъ,—можетъ быть, не такъ замѣтно, тѣмъ не менѣе постоянно и неуклонно.

Подобные результаты получаются зачастую и отъ другихъ, повидимому, обрусительныхъ условій. Выше отмѣченъ былъ случай, когда національное самосознаніе пробудилось подъ вліяніемъ переѣзда изъ села въ городъ,—опять-таки

это очень обычное явление въ нашей національной жизни. Чужая обстановка уже по контрасту возбуждаетъ дотолѣ дремавшіе вопросы, обычно заканчивающіеся прозрѣніемъ въ національномъ смыслѣ. Всякій, кто проживаетъ на чужбинѣ, несомнѣнно, острѣе испытываетъ чувство оторванности и одиночества, глубже чувствуетъ свою связь съ родной обстановкой, несомнѣнно, отзывчивѣе реагируетъ на все, что такъ или иначе напоминаетъ объ этой связи, восстанавливаетъ и укрѣпляетъ ее. Тоска по родинѣ, этотъ ужасный бичъ изгнанниковъ, вѣдь недаромъ является обычнымъ удѣломъ многихъ лицъ, по тѣмъ или инымъ условіямъ принужденныхъ жить вдали отъ родины,—и она, эта тоска, является могучимъ стимуломъ въ дѣлѣ пробужденія тѣхъ интимныхъ, родственныхъ связей съ родиной, которая даже не замѣчались, пока человекъ жилъ въ родной обстановкѣ, но которыя, разъ появившись, приводятъ обычно къ національному самосознанію. Упомянутая уже анкета и другіе попадавшіе въ печать матеріалы даютъ въ этомъ смыслѣ драгоцѣнныя указанія. Вотъ, напр., письмо одного изъ ссыльныхъ, опубликованное на столбцахъ „Рады“.

Дорогіе земляки! не удивляйтесь моему не совсѣмъ складному и правильному языку ¹⁾. Я, видите ли, одинъ изъ тѣхъ, которые получили образованіе въ русской школѣ, а затѣмъ былъ оторванъ отъ родины и работалъ на чужбинѣ. Уже на каторгѣ, заинтересовавшись національнымъ вопросомъ, я случайно прочелъ взятую изъ тюремной бібліотеки книжку проф. М. Грушевскаго „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“ и только тогда понялъ свой долгъ. Тогда у насъ было свободнѣе, и я имѣлъ возможность познакомиться съ украинскимъ языкомъ, такъ какъ до этого времени я не зналъ его вовсе... Наши украинцы охотно читаютъ украинскія книги, которыхъ имѣемъ въ бібліотекѣ больше сотни, и въ тюремномъ каталогѣ онѣ выдѣлены въ особый „украинскій отдѣлъ“ ²⁾.

Такихъ откликовъ изъ далекой чужбины, отъ вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ, можно бы привести очень много. Эта среда выставила даже своего пѣвца, безвременно скончавшагося Грабовскаго, который къ украинскому вопросу вплотную подошелъ уже въ ссылкѣ и вполне самостоятельно, путемъ упорнаго труда, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ достигъ все-таки высшей точки національнаго самосознанія.

¹⁾ Письмо написано по-украински.

²⁾ „Рада“, 1908, № 273.

Ту же роль возбудителя интереса къ украинству играютъ во многихъ случаяхъ и правительственныя репрессіи и тѣ нападки на украинское движеніе, которыми полны теперь реакціонныя и, къ сожалѣнію, нѣкоторыя прогрессивныя изданія. Наши враги, очевидно, и не предполагаютъ, какую услугу, въ сущности, оказываютъ они нашему дѣлу какъ не предполагаютъ этого и творцы всевозможныхъ репрессивныхъ мѣропріятій, какъ изъ рога изобилія сыплющихся на украинское движеніе. Приведенный выше примѣръ крестьянина, нашедшаго источникъ національнаго самосознанія въ насмѣшкахъ учителя, слишкомъ краснорѣчивъ и, въ качествѣ типическаго, заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Онъ показываетъ всю безпомощность гасительныхъ мѣропріятій, всю бесплодность и безнадежность предпринимаемаго гасителями уничтоженія живого національнаго организма. Они могутъ клеветать на украинское движеніе, могутъ донимать его репрессіями, вопить о запрещеніи его проявленій, издѣваться, улавливаясь о томъ, что его вовсе не существуетъ,—все это въ концѣ-концовъ разбивается и рушится при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Мало того,—своимъ безсильнымъ гнѣвомъ гасители очень часто, противъ собственной воли служатъ тому огоньку, который такъ желали бы за плевать и затоптать ногами. Немало, я думаю, найдется сознательныхъ украинцевъ, для которыхъ первой искрой самосознанія послужили испытанныя ими за свою національность насмѣшки или преслѣдованія. Г. Пихно и не предполагаетъ, чему можетъ послужить даже его „Кіевлянинъ“, уже десятилѣтіями клеветущій на украинское движеніе и требующій для него все новыхъ и новыхъ скорпіоновъ. Въ этомъ кроется глубокій поучительный смыслъ всѣхъ освободительныхъ движеній, въ томъ числѣ и національныхъ, поскольку они охватываютъ угнетенныя народности и являются потому освободительными и прогрессивными по самой своей природѣ: даже враги ихъ зачастую работаютъ для нихъ.

Существованіе украинскаго народа есть непреложный жизненный фактъ, украинскон національное движеніе является выраженіемъ этого факта. Напрасны, поэтому, всѣ стремленія—и партикулярныя, и официальныя, направленные какъ противъ факта, такъ и противъ его выраженія. И здравый смыслъ, и практика жизни, и историческіе

примѣры говорятъ совершенно опредѣленно за бесплодность и безсмысленность борьбы противъ нихъ. Возможно, конечно, временное затемненіе, возможенъ нѣкоторый преходящій вредъ отъ нападокъ, преслѣдованій и стѣсненій, какъ возможны призывы къ свѣту изъ устъ служителей тьмы. Но въ концѣ-концовъ этотъ вредъ является лишь незначительнымъ, легко преодолимымъ препятствіемъ на пути къ дѣйствительному свѣту, не руками сикофантовъ и ренегатовъ, цензоровъ и гасителей возжигаемому и поддерживаемому. Этотъ дѣйствительно лучезарный свѣтъ приходитъ совсѣмъ съ другой стороны и съ лицемѣрными возгласами обскурантныхъ фарисеевъ не имѣетъ ничего общаго.

С. Ефремовъ.
